

А. В. Павлов

Павлов Андрей Витальевич (Москва, Россия) — М.А., преподаватель МУНЦ «Высшая школа европейских культур» РГГУ; Email: pavlov.andriey@gmail.com

ЛОКАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: МЕЖДУ «СОСЕДСКОЙ» И «ГРАЖДАНСКОЙ» КОММУНИКАЦИЕЙ

В настоящей статье, посвященной особенностям коммуникации локальных городских сообществ в социальных сетях, выдвигается гипотеза о том, что подобная коммуникация происходит не только в форме «публичных сетевых разговоров» (Д. Уокер), но и балансирует между двумя режимами — «соседским» и «гражданским». Выделенные режимы коммуникации описываются как идеально-типические модели с опорой на теоретические концепции Р. Ольденбурга, Дж. Джекобс, Л. Болтански и Л. Тевено, а затем их релевантность проверяется на примере анализа конкретного кейса — двухрайонных «Фейсбук»-сообществ Москвы с одинаковой территориальной идентичностью. Размежевание «соседского» и «гражданского» режимов локальной сетевой коммуникации связывается в статье с технологическими особенностями социальных сетей, способствующими дифференциации «сетевых публик».

Ключевые слова: локальные городские сообщества, социальные сети, режимы коммуникации, соседская коммуникация, гражданская коммуникация, третьи места, низовые медиа, «Фейсбук», Москва

A. V. Pavlov

Andrey Vital'evich Pavlov (Moscow, Russia) — M.A., Lecturer at The Graduate School of the European Cultures, Russian State University for the Humanities; Email: pavlov.andriey@gmail.com

LOCAL CITY COMMUNITIES IN SOCIAL NETWORKS: BETWEEN «NEIGHBOR» AND «CIVIL» COMMUNICATION

This paper, devoted to the local networked communities, considers some aspects of their communication and develops a hypothesis that such a communication proceeds not only in terms of “public networked talks” (D. Walker), but also oscillates between the “neighbor” and the “citizen” regimes. The outlined regimes are depicted as ideal-typical models based on the theoretical concepts of R. Oldenburg, J. Jackobs, L. Boltanski and L. Thevenot. Their relevance is proved by the analysis of the empirical case of the two Moscow local Facebook-communities with similar neighborhood identities. The dissociation of “neighbor” and “citizen” regimes in local networked communication is connected in the article with the technological affordances of social network sites facilitating the differentiation of networked publics.

Keywords: local communities, social network sites, regimes of communication, neighbor communication, citizen communication, third places, grassroots media, Facebook, Moscow

Современные исследователи, занимающиеся проблемами медийного опосредования городской жизни, полагают, что ее онлайн- и офлайн-измерения сегодня существуют не в изолированном режиме, а переплетаются и взаимодействуют между собой [9]. С одной стороны, сетевые и цифровые технологии способствуют постоянной трансформации отношений горожан со временем, пространством и друг с другом, а с другой — помогают укреплять значимость отдельных мест и «локальных порядков» [4]. Последняя тенденция проявляется во многих формах, одна из которых — возникновение локальных городских интернет-сообществ. Сегодня они получают

глобальное распространение и все чаще оказываются в поле внимания исследователей из разных стран — в том числе США [18], Китая [12] и России [17].

Локальные сетевые сообщества

Если в социологических исследованиях подобного рода приоритет отдается сетевой коммуникации «локальных сообществ» или «соседских сообществ» (neighborhoods)¹, то с точки зрения исследований интернет-культуры и цифровой антропологии не менее интересным представляется изучение коммуникации «локальных сетевых сообществ». Хотя в обоих случаях коммуникация концентрируется вокруг определенного городского пространства и связанного с ним опыта участников, здесь уместно вспомнить о различии между «сообществами онлайн» и «онлайн-сообществами», предложенном нидерландским теоретиком новых медиа Яном ван Дейком [16]. Соответственно, в первом случае объектом изучения оказывается территориальное сообщество городских жителей, которое может использовать и комбинировать различные средства компьютерной коммуникации (от e-mail рассылок и городских форумов до социальных сетей и мессенджеров). При этом, как продемонстрировали уже ранние исследования в этой области, использование компьютерных технологий способствует установлению более тесных связей между участниками «соседских сообществ» [10]. Во втором случае исследовательский фокус переносится на онлайн-сообщество, для участников которого важна не только идентификация с той или иной городской территорией, но и принадлежность к определенной сетевой площадке. Среди немногочисленных исследований этого типа можно выделить, прежде всего, диссертацию Д. Уокер, посвященную коммуникации на городском форуме Филадельфии philliblog.com [18].

Сетевые площадки для локальной коммуникации горожан обладают своей аудиторией, собственной историей, а также писаными и неписаными правилами общения. Одно и то же локальное городское пространство может быть источником идентификации для сообществ на разных сетевых площадках, аудитории которых могут пересекаться лишь частично или не пересекаться вовсе. Иными словами, локальные сетевые сообщества можно рассматривать не просто как сообщества городских жителей в интернете, но и как «низовые гражданские медиа» (grassroots citizen media), аудитория которых не ограничена лишь локальными «сетевыми публиками» (networked publics). Этот ракурс важен по нескольким причинам. Во-первых, даже спонтанное общение в локальных сетевых сообществах фиксируется и сохраняется в полностью или частично открытых для публичного наблюдения вербальных и визуальных формах (сообщения, комментарии, фото, видео и т. д.). Поэтому, помимо непосредственных участников сообществ, оно оказывается доступным и более широким аудиториям интернет-пользователей. Во-вторых, участники локальных сетевых сообществ могут использовать интернет-площадки не только для спонтанного общения друг с другом, но и как средство «гражданской журналистики». В этом случае сетевая площадка осознанно используется в качестве медиаресурса для распространения информации о местных проблемах как среди локальной публики, так и за ее пределами — в том числе благодаря интересу к этой информации со стороны крупных СМИ. Применительно к социальным сетям Д. Бойд называет эти феномены способностью сетевых публик к расширению, а также существованием «невидимых публик» [8].

«Публичные сетевые разговоры» и режимы коммуникации локальных сетевых сообществ

Спонтанную коммуникацию локальных городских сообществ в интернете Д. Уокер предлагает описывать при помощи термина «публичные сетевые разговоры» (networked public talk). По ее мнению, «публичные сетевые разговоры» — это особая форма дискурсивной партиципации, которая является неотъемлемой частью современной политической культуры. Помимо технологической опосредованности и неиерархичности, подобные разговоры характеризуются отсутствием формализованности и четких границ между обсуждением частных вопросов, волнующих горожан,

1. В данной статье эти понятия будут использоваться как синонимы.

с одной стороны, и общественно значимых интересов и проблем — с другой. Основной аргумент автора при этом заключается в том, что при обсуждениях городской повседневности в интернете «общезначимые интересы» далеко не всегда могут быть определены изначально (как, например, в случае с базовыми демократическими ценностями или гражданскими правами и свободами). В повседневной локальной онлайн-коммуникации эти интересы могут артикулироваться многими пользователями как частные проблемы или личные желания, связанные с городским пространством. Однако в процессе совместного обсуждения, который в реальности слабо соответствует нормативному идеалу рациональной коммуникации, заданному в концепции «публичной сферы» Ю. Хабермаса, эти проблемы могут осознаваться и ре-артикулироваться как общие. В качестве одного из примеров подобной реартикуляции в работе рассматривается обсуждение горожанами таких проблем, как собачьи экскременты в городских парках или размер фасадов выходящих на тротуары гаражей в частных домах [18].

Не оспаривая убедительность аргумента Д. Уокер в целом, необходимо отметить, что ее выводы были основаны на результатах исследования, источником для которого послужила лишь одна сетевая площадка для локальной коммуникации, существовавшая с 2002 по 2009 год, — речь идет об упомянутом выше форуме жителей Филадельфии philliblog.com. Однако сегодня более популярной интернет-площадкой для общения горожан во всем мире становятся социальные сети (social network sites), отличающиеся от предыдущих платформ веб 2.0 и новыми технологическими возможностями, и сценариями взаимодействия пользователей. Соответственно, можно предположить, что эти отличия будут влиять и на особенности коммуникации локальных сетевых сообществ. В частности, как отмечает Д. Бойд, благодаря особенностям своей архитектуры современные социальные сети предоставляют более широкие возможности для дифференциации сетевых публик [8].

В данной статье на примере нескольких районных групп Москвы в социальной сети «Фейсбук» будет рассмотрено лишь одно из возможных последствий того, как технологические особенности социальных сетей могут влиять на коммуникацию локальных сетевых сообществ. Это последствие можно предварительно сформулировать в виде гипотезы о том, что *коммуникация локальных сетевых сообществ в социальных сетях происходит не просто в форме «публичных сетевых разговоров», а балансирует между двумя режимами, которые можно условно назвать «соседским» и «гражданским» и которым соответствуют разные типы сетевых публик*. Разумеется, выделяемые режимы — это идеально-типические конструкции, ряд которых может быть продолжен. Границы между ними в реальной коммуникации всегда будут оказываться подвижными и проницаемыми. Однако их различие представляется полезным в качестве аналитического приема, помогающего увидеть за отдельными постами и комментариями более общие паттерны коммуникации локальных сетевых сообществ. Сценарии взаимодействия этих режимов могут быть связаны со множеством факторов — особенностями и проблемами конкретной городской территории, интересами и целями сложившихся вокруг этой территории сетевых сообществ, а также технологическими возможностями и ограничениями интернет-платформ.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу выделенных режимов коммуникации на примере московских локальных сообществ в сети «Фейсбук», попытаемся дать каждому из этих режимов более развернутую и теоретически обоснованную характеристику.

«Соседский» режим коммуникации локальных сетевых сообществ

«Соседский» режим коммуникации локальных сетевых сообществ можно прежде всего соотнести с концепцией «третьих мест» американского урбаниста Р. Ольденбурга, тем более что некоторые исследователи используют эту аналогию для характеристики интернет-общения в целом [15]. У подобной аналогии есть свои преимущества и недостатки. Согласно Ольденбургу, «третьи места» — это публичные городские пространства (пабы, кофейни и т. д.), которые расположены в зоне проживания «соседских сообществ» и помогают их укреплению. В условиях постиндустриальных мегаполисов они предлагают разрозненным городским индивидам уникальные практики

социализации и регулярный коммуникативный опыт, не связанный ни с рабочим, ни с домашним пространством [14]. Основной формой коммуникации в «третьих местах» являются разговоры — преимущественно развлекательного характера, но не исключающие и обсуждение политических и бытовых вопросов. Описанные выше качества «третьих мест» могут быть обнаружены и в коммуникации многих локальных сетевых сообществ — только роль физических пространств в данном случае играют многопользовательские онлайн-сервисы (например, форумы или группы в социальных сетях). В то же время существует и ряд контраргументов против такой аналогии. Во-первых, ценность «третьих мест» для Ольденбурга заключается не только в их специфической атмосфере, но и в их физическом присутствии в городском пространстве. С этой точки зрения, любые сетевые аналоги «третьих мест» всегда будут лишь цифровой симуляцией. Во-вторых, в концепции Ольденбурга имплицитно заложена нормативная ценность территориальных соседских сообществ (*neighbourhoods*) для развития городской среды, хотя подобная позиция подвергалась критике в социологических исследованиях еще до появления интернет-технологий [11]. А при обсуждении сетевой коммуникации, пусть даже связанной с локальными сюжетами, отстаивание априорной ценности «соседских сообществ» выглядит еще более проблематичным. Да и само определение «соседская» применительно к локальной онлайн-коммуникации уместнее использовать в переносном значении².

Поэтому более удобной метафорой для описания «соседского» режима коммуникации локальных сетевых сообществ представляются «тротуарные разговоры» — понятие из работы другой известной американской урбанистки Дж. Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов». Под «тротуарными разговорами» в книге понимается множество «мимолетных публичных контактов на локальном уровне — в большинстве своем случайных, в большинстве связанных с заботами дня, неизменно дозируемых самими участниками, которым никто ничего не навязывает» [3]. Подобный жанр неформальных уличных разговоров между едва знакомыми или вовсе незнакомыми друг с другом жителями одних и тех же районов в больших городах Джекобс описывает как явление, повышающее взаимное доверие горожан (и вследствие этого — качество городской среды), но не предполагающее обязательного существования за этими разговорами сильных «соседских» связей.

Локальные сетевые сообщества могут насчитывать тысячи участников, большинство из которых не знакомы друг с другом лично и едва ли испытывают потребность в близком знакомстве с виртуальными «соседями». Поэтому коммуникация в подобных сообществах удовлетворяет всем основным критериям «тротуарных разговоров»: она посвящена локальным «заботам дня», случайна и необязательна, дозируется самими участниками, а также происходит в публичном пространстве. Сходство публичной коммуникации пользователей социальных сетей со случайными встречами на городских улицах отмечалось и исследователями интернет-культуры [8]. Хотя, как и в случае с концепцией «третьих мест», главное различие сохраняется: роль публичного пространства для коммуникации локальных сетевых сообществ играют все же не городские тротуары, а интернет-платформы.

Помимо повышения уровня взаимного доверия горожан, подобные разговоры имеют и другую важную функцию — они становятся одним из дискурсивных способов производства локальности. О том, что локальность не является естественным свойством пространства, в том числе городского, а постоянно воспроизводится во множестве дискурсивных и недискурсивных практик, писали, в частности, Д. Мэсси [13] и А. Аппадурай [7]. А коммуникацию городских сетевых сообществ как одно из средств производства локальности рассматривала в своей уже упомянутой работе Д. Уокер [18]. Примерами дискурсивного производства локальности могут быть обсуждение границ городской территории, с которой ассоциирует себя сообщество, а также обсуждение значимых — как в символическом, так и в бытовом плане — локальных объектов.

2. Особенно в случаях, когда многие «соседские» сетевые сообщества состоят из тысяч участников, большинство из которых не знакомы друг с другом лично.

«Гражданский» режим коммуникации локальных сетевых сообществ

Однако для описания некоторых сценариев коммуникации локальных сетевых сообществ метафоры «третьих мест» и «тротуарных разговоров» оказываются недостаточными. Прежде всего, речь идет о ситуациях оспаривания городского пространства — например, градостроительных конфликтах между местными жителями и городскими властями или бизнес-структурами. Более того, в этом случае становится практически невозможно провести границу между «онлайн-сообществами» и «сообществами онлайн», поскольку, как справедливо отмечают Е. Тыканова и А. Хохлова, подобные сообщества всегда являются «сообществами практики». Главными особенностями локальных «сообществ практики» они, вслед за Е. Венгером, называют общие интересы и стремление к коллективным действиям [6; 19]. Помимо этого, «члены сообществ практики должны располагать набором ресурсов, которые помогают им справиться с общими проблемами. Для локальных сообществ такими ресурсами могут выступать, например, доступ к СМИ, знакомство с политиками, правовая грамотность, общая память или владение «локальным знанием» [6]. Локальные сетевые площадки также можно рассматривать как дополнительный ресурс «сообществ практики», который помогает их участникам делиться друг с другом «локальным знанием», доводить информацию о локальных проблемах до более широкой аудитории, повышать свою политическую и правовую грамотность и — самое главное — координировать свои действия по защите городского пространства (от сбора средств на юридическую помощь до организации акций протеста).

Разумеется, ситуация перехода от «соседских» разговоров городских жителей к обсуждению общих интересов³ и коллективным действиям в их защиту не является специфичной лишь для сетевого общения. Так, Б. Гладарев на примере градозащитных офлайн-сообществ Санкт-Петербурга, используя концепцию «режимов вовлеченности» Л. Болтански и Л. Тевено, описывает похожую ситуацию как переход из «режима близости», основанного на частном и повседневном опыте взаимодействия с городским пространством, в публичный «режим критики и оправдания» [2].

Режим коммуникации локальных сетевых сообществ, связанный с обсуждением общественных интересов, может быть описан и при помощи другой теоретической метафоры известных французских социологов. Речь идет о «гражданском мире», главными чертами которого, согласно концепции Л. Болтански и Л. Тевено, являются 1) включенность индивидов в коллектив, интересы которого превосходят их частные интересы; 2) стремление к коллективным действиям во имя общего блага; 3) делегирование отдельным индивидам функции представителей общих интересов; 4) апелляция к принципу законности, который может характеризовать как тексты и документы, так и представителей; 5) инструментализация коллективной деятельности в организационных и материальных формах; 6) демонстрация единения в формах физического присутствия (особенно в ситуациях споров, конфликтов с властью и т. п.) [1]. Несмотря на то, что концепция «градов» или «миров» возникла еще в досетевую эпоху, предложенные ее авторами особенности «гражданского мира» подходят, на наш взгляд, для описания соответствующего режима коммуникации локальных сетевых сообществ, поскольку все перечисленные признаки могут быть обнаружены в тех случаях, когда подобные сообщества превращаются в «сообщества практики».

Таким образом, понятие «гражданского режима» коммуникации локальных сетевых сообществ, дополняя концепцию «публичных сетевых разговоров», позволяет подчеркнуть значимость прагматического аспекта этой коммуникации: оно охватывает также те случаи локального сетевого общения, когда участники сообщества не ограничиваются спонтанной дискурсивной партиципацией, а от обсуждения общих интересов, связанных с городским пространством, переходят к коллективным действиям в их защиту, в том числе в офлайн-формах.

3. Соотношение понятий «общего» (common) и «общественного» или «публичного» (public) представляет собой отдельную теоретическую проблему, которая сознательно была вынесена за рамки данной статьи.

Выбор эмпирического материала: локальные сетевые сообщества Москвы в «Фейсбуке»

Далее будет сделана попытка описать и проанализировать взаимодействие «соседского» и «гражданского» режимов коммуникации локальных сетевых сообществ на примере нескольких районных групп Москвы в русскоязычном сегменте социальной сети «Фейсбук».

Поскольку Москва является крупнейшим российским мегаполисом, то в русскоязычном интернете можно обнаружить множество локальных сетевых сообществ, располагающихся на разных платформах и идентифицирующих себя с теми или иными московскими городскими пространствами (причем логика этой идентификации не всегда совпадает с официальным административно-территориальным делением). Подобное разнообразие делает удобным рассмотрение различных сценариев взаимодействия «соседского» и «гражданского» режимов коммуникации в пределах одного или нескольких сообществ.

В то же время в рамках данной статьи было принято решение ограничиться анализом локальных сетевых сообществ лишь на одной интернет-платформе (в социальной сети «Фейсбук»), поскольку именно здесь было обнаружено максимальное количество активных сообществ и максимальная вариативность сценариев взаимодействия режимов коммуникации.

Первоначально поиск и отбор локальных сетевых сообществ Москвы в русскоязычном сегменте «Фейсбука» производился по следующим критериям:

- релевантность названия (упоминание в названиях групп официальных и неофициальных названий московских районов и других топонимов, а также наличие слов «жители», «сообщество», «соседи», «neighborhood» и т. п.);
- релевантность содержания (связь сообщений в группе с заявленной в названии и описании тематикой, низкая степень заспамленности);
- высокий уровень коммуникационной активности (регулярное появление новых сообщений, авторами которых были бы разные участники сообщества; преобладание сообщений обычных участников над сообщениями администраторов);
- численность группы (не менее 1000 участников).

В результате поиска было обнаружено более десятка сообществ, удовлетворяющих всем обозначенным критериям. В географическом отношении подавляющее большинство этих сообществ связаны с районами Москвы, находящимися в Западном, Юго-Западном, Северо-Западном и Центральном автономных округах.

При этом для анализа в рамках данной статьи был отобран один кейс, позволяющий продемонстрировать, что коммуникация в локальных сетевых сообществах может протекать не только в форме «публичных сетевых разговоров», но и в дискретных режимах «соседской» и «гражданской» коммуникации, которые в отдельных случаях могут осознаваться самими участниками как конфликтующие. Этим кейсом стали два наиболее крупных сообщества московского района Хамовники.

Основным методом исследования было включенное наблюдение (автор более двух лет является участником всех крупных локальных «Фейсбук»-сообществ Москвы — в том числе тех, которые будут рассмотрены ниже).

«Фейсбук»-сообщества района Хамовники: декларативное размежевание «соседской» и «гражданской» коммуникации

Хамовники — это район Центрального административного округа Москвы и внутригородское муниципальное образование, число жителей которого составляет около 107 000 человек. Авторы социологического исследования московских районов «Механика Москвы» относят Хамовники к территории под условным названием «комфортная Москва», в которую входят «хорошо приспособленные для жизни районы с преимущественно высококачественным жильем». По данным исследования, этот район характеризуется сравнительно высоким уровнем таких

параметров, как «объективная и субъективная безопасность», «обобщенное доверие», «чувство общности», «освоенность территории», «доступность и качество образовательных услуг», а также «потенциал досуга в закрытых помещениях» [5]. Подобный социально-культурный контекст создает благоприятные условия для возникновения «соседского» режима коммуникации жителей района в социальных сетях.

В Хамовниках также расположено большое количество архитектурных объектов, представляющих историческую ценность, вокруг которых в последние годы, как и в других районах Москвы, возникают градостроительные конфликты. В свою очередь, это способствует возникновению местных «сообществ действия» и, соответственно, «гражданского» режима коммуникации в локальных группах района в социальных сетях.

Поисковая выдача «Фейсбука» по запросу «Хамовники»⁴ предлагает более 20 групп. Четыре из них — наиболее крупные и активные: «Объединение жителей района Хамовники» (3 683 участника), «Secret Hamovniki» (1 555 участников), «Дети в Хамовниках» (1 123 участника) и «Хамовники: позитивное общение» (652 участника). Среди менее крупных групп района присутствуют такие сетевые сообщества, как «Хамовники: визуальные и литературные образы» (250 участников), «Клуб забавных в группе «Объединение жителей района Хамовники»» (25 участников) и «Outdoor Hamovniki: Бегать, Плавать, Гулять с Друзьями» (16 участников). Многочисленность и тематическое разнообразие районных групп иллюстрирует тезис о богатых возможностях социальных сетей для дифференциации сетевых публик (даже на локальном уровне). Однако сравнение количества их участников говорит о том, что основное общение все же сосредоточено на нескольких наиболее крупных площадках. Поэтому далее в качестве показательных примеров мы рассмотрим коммуникацию двух наиболее крупных групп района — «Объединение жителей района Хамовники»⁵ и «Secret Hamovniki»⁶, которые открыто позиционируют себя как альтернативные друг другу.

В закреплённом описании локального сетевого сообщества «Объединение жителей района Хамовники» говорится следующее:

Наша группа создана для отстаивания прав и интересов жителей Хамовников в области коммунальной, социальной, жилищной и законодательной сфер. В том числе:

- для освещения основных событий района (строительство, межевания, благоустройства, состояние озелененных территорий и газонов, содержание дорог и дворовых территорий - то есть, актуальные проблемы Хамовников);
- для освещения событий вне района, влияющих на его жизнь, которые можно решить сообща.

При этом ограничения, налагаемые на коммуникацию участников сообщества, администраторы пытаются обосновать в специальной ремарке особенностями архитектуры социальной сети «Фейсбук»:

ПРОСЬБА УЧЕСТЬ:

Технически нельзя в группе организовать разные разделы. В результате возникает дефицит места для размещения постов. Поэтому посты не должны носить узко личный и отвлеченный от основной тематики группы характер.

В описании приводится также список альтернативных групп района, которые, по выражению администраторов группы, могут помочь участникам «реализовать другие интересы». В число этих альтернативных групп включена и группа «Secret Hamovniki».

4. По данным на 28.07.2016.

5. <https://www.facebook.com/groups/Hamovniki/> (дата обращения 28.07.2016).

6. <https://www.facebook.com/groups/SecretHamovniki/> (дата обращения 28.07.2016).

Таким образом, мы видим, что на уровне декларируемых целей группа «Объединение жителей района Хамовники» представляет собой не столько «третье место», сколько низовое «гражданское медиа». С одной стороны, администраторы ориентируют участников на обсуждение общих интересов как локального, так и более широкого масштаба, а с другой — побуждают к коллективным действиям в их защиту.

В качестве характерного примера «гражданского» режима коммуникации в группе можно привести обсуждение закрепленного поста от 24.12.2014⁷, посвященного отдельному эпизоду в ходе одного из градостроительных конфликтов в районе — реконструкции так называемого «дома-самолета» на Фрунзенской набережной. Автор поста — администратор группы и муниципальный депутат А. Парушина — рассказывает участникам группы о своей попытке оспорить сокращение так называемой «охранной зоны» вокруг дома. Решение об этом сокращении принималось на заседании специальной «сносной комиссии»⁸. Участникам комиссии, состоявшей преимущественно из московских чиновников и прекратившей свое существование в 2016 году, вменяются в вину процедурные нарушения, по причине которых независимому депутату не удалось озвучить свою точку зрения на проблему. Пост набрал более 150 лайков и более 50 комментариев, 50 пользователей решили им поделиться. В комментариях к посту участники группы предлагают свою помощь и обсуждают различные способы коллективного решения проблемы, в числе которых — подписание электронной петиции, организация митинга у здания московского департамента Градостроительной политики, призывы распространять информацию о нарушениях в ходе строительства. Помимо таких критериев «гражданского» режима коммуникации, как обсуждение общих интересов и коллективных действий в их защиту, здесь можно обнаружить наличие фигуры представителя (администратор группы является муниципальным депутатом), а также стремление инструментализовать коллективную деятельность в организационных и материальных формах (митинг, сбор подписей).

Однако анализ рутинного общения в группе показывает, что многие посты едва ли можно отнести к «гражданскому» режиму коммуникации — скорее, они представляют собой вариант «публичных сетевых разговоров», в которых частные и общие проблемы переплетаются. Так, в повседневном общении участников группы фигурируют объявления о пропавших и найденных домашних животных, предупреждения об опасных незнакомцах на территории района и небольших «поломках» инфраструктуры, обсуждение работы коммунальных служб и других сервисов. Большинство подобных постов не содержит призывов к коллективным действиям, хотя относительно того, насколько частной или общей является та или иная проблема (например, присутствие бездомных в публичных городских местах), участники группы могут вести оживленные дискуссии.

Теперь обратимся к анализу другого крупного «Фейсбук»-сообщества района — «Secret Намовнікі», в котором — опять-таки на уровне декларируемых целей — отдается предпочтение «соседской» коммуникации. В описании группы говорится:

Группа для обмена новостями и впечатлениями от проживания в районе Хамовники г. Москвы и его окрестностях. Группа создана для добрососедского знакомства и обмена всяческими полезностями.

Собрались задать вопрос? Отлично! Где заказать пиццу, вылечить зубы и кота, сделать маникюр и ТО - все можно спрашивать прямо здесь. В будущем можно будет искать эту информацию забив ключевое слово в поиске по группе.

Также, мы стараемся собирать полезные контакты и места на районе (фитнес, рестораны, ремонт и проч.)...

7. <https://www.facebook.com/groups/Намовники/permalink/829665670390119/> (дата обращения 28.07.2016).

8. Официальное название — Комиссия при Правительстве Москвы по рассмотрению вопросов осуществления градостроительной деятельности в границах достопримечательных мест и зон охраны объектов культурного наследия.

Озвученные администраторами группы пожелания и правила свидетельствуют о том, что они рассматривают созданную ими сетевую площадку как виртуальное «третье место» для жителей района с акцентом на обсуждение локальных потребительских практик и сервисов. При этом «гражданский» режим коммуникации объявляется нежелательным для участников группы «Secret Hamovniki», а для желающих общаться в этом режиме приводится ссылка на альтернативное «Фейсбук»-сообщество:

Обсуждение общественно-политических тем НЕ приветствуется — для этого уже существует довольно бурная группа Объединение жителей района Хамовники (<https://www.facebook.com/groups/Hamovniki/>)

В одном из комментариев администраторы уточняют причину этого ограничения:

Мы не против размещения тут информации, касательно происходящего в Хамовниках — встреч с депутатами и прочие стройки, но это точно не место для агрессивного обсуждения что есть хорошо или плохо в парадигме бытия конкретного человека.

Иными словами, «соседский» режим коммуникации, помимо своих содержательных ограничений, обладает также особыми аффективными характеристиками (стремление сохранить «добрососедскую» атмосферу любыми средствами, в том числе ценой отказа от обсуждения конфликтных тем). Для отдельных пользователей «добрососедская» атмосфера становится даже более важным мотивом участия в локальном сетевом сообществе, чем территориальная принадлежность. В качестве примера приведем комментарий участницы одной из групп, связанной с другими районами Москвы, но в которой также преобладает «соседский» режим коммуникации, — «Airport/Sokol Da Neighborhood»:

Живу на другом конце Москвы, но подписана на ряд локальных сообществ. И это сообщество так полюбилось, от него прям лучи доброты такие исходят, как начинаешь читать посты-ощущение-как в советском союзе, когда двери не закрывались и все бескорыстно другу другу готовы были помочь).

По сравнению с потоком сообщений в группе «Объединение жителей района Хамовники», коммуникация участников группы «Secret Hamovniki» действительно носит более частный и индивидуализированный характер. Так, в последней гораздо чаще встречаются обращения к «соседям» с просьбой поделиться полезной информацией о сервисах района или частные объявления — то есть «мимолетные публичные контакты на локальном уровне, <...> связанные с заботами дня», названные Дж. Джейкобс «тротуарными разговорами» [18]. Тем не менее, и здесь мы не можем констатировать, что «соседский» режим коммуникации существует в чистом виде, поскольку в группе присутствует обсуждение не только частных, но и общих проблем. Например, время от времени участники группы «Secret Hamovniki» делятся перепостами сообщений городских активистов и муниципальных депутатов, которые посвящены преимущественно городским конфликтам. Однако подобные сообщения набирают минимальное число лайков и почти не комментируются, что свидетельствует о низком интересе к ним со стороны участников группы и позволяет говорить о преобладании в группе «соседского» режима коммуникации.

Заключение

В настоящей статье мы попытались проанализировать некоторые аспекты коммуникации локальных городских сообществ в социальных медиа. При этом в качестве отправной точки была выбрана концепция «публичных сетевых разговоров» (public network talk) Д. Уокер, разработанная

в результате анализа коммуникации локального сетевого сообщества на городских форумах Филадельфии. Отчасти полемизируя с этой концепцией, мы предположили, что в современных социальных медиа с их новыми технологическими возможностями, увеличивающими степень дифференциации сетевых публик, структура коммуникации локальных городских сообществ становится более дробной. Поэтому ее продуктивно описывать, в частности, через аналитическое противопоставление «соседского» и «гражданского» режимов коммуникации. Идеально-типическая модель «соседского» режима коммуникации городских жителей в социальных сетях была предложена на основе концепции «третьих мест» Р. Ольденбурга и «тротуарных разговоров» Дж. Джекобс. В качестве основных характеристик этой модели были выделены связь с локальной тематикой, спонтанность и необязательность коммуникации, преобладание в разговорах «сетевых соседей» частных сюжетов, связанных с городской повседневностью. Аналогичная модель «гражданского» режима коммуникации была соотнесена с концепциями «гражданского мира» и режимов вовлеченности Л. Тевено и Л. Болтански, а также с концепцией «сообществ практики» Е. Венгера. В качестве основных характеристик «гражданского» режима коммуникации были выделены такие критерии, как сфокусированность сообщества на обсуждении общих интересов и коллективных действий в их защиту, а также появление фигур представителей и переход от «сетевых разговоров» к различным офлайн-формам манифестации интересов сообщества.

Кейсом для обоснования релевантности этих моделей стали два наиболее крупных локальных сетевых сообщества района Хамовники в социальной сети «Фейсбук», отобранные из более чем десяти аналогичных сообществ Москвы.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что выделение «соседского» и «гражданского» режимов оправдано, поскольку один из возможных сценариев их взаимодействия — размежевание по разным группам с одинаковой территориальной идентичностью. В качестве основной и эксплицитно проговариваемой самими участниками сообществ причины для подобного размежевания выступает архитектура социальной сети «Фейсбук», которая способствует дифференциации сетевых публик. При этом «соседский» режим локальной коммуникации отличается от «гражданского» не только более частным характером обсуждаемых проблем, связанных с городским пространством, но и особой эмоциональной аурой «добрососедства», значимой для его участников. В то же время ни один из режимов коммуникации не был обнаружен в проанализированных группах в чистом виде, поскольку в каждой из них присутствуют смешанные формы дискурсивной партиципации («публичные сетевые разговоры»), в которых участники не делают жесткого различия между частными и общими интересами.

Помимо размежевания «гражданского» и «соседского» режимов коммуникации по разным локальным сетевым сообществам, как в случае с группами района «Хамовники», в районных «Фейсбук»-сообществах Москвы были обнаружены и другие сценарии их взаимодействия — например, сосуществование этих режимов в пределах одной группы, конфликт в группе «гражданского» и «соседского» режимов коммуникации и переключение группы из одного режима в другой. Анализ многообразия обнаруженных сценариев взаимодействия и возможные причины того или иного сценария станут предметом дальнейшего исследования.

Библиография

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковенева, под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.
2. Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). — С. 29–43.
3. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. — М.: Новое издательство, 2011.
4. Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. №4. — С. 41–54.

5. Пузанов К. А., Степанцов П. М. Механика Москвы. Исследование городской среды. — М.: Издание Московского института социально-культурных программ, 2014. — 68 с.
6. Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. — С. 104–122.
7. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis, 1996. — 248 p.
8. Boyd D. Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dynamics, and Implications // Papacharissi, Zizi (ed.): *A Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Networking Sites*. Routledge. 2010. — Pp. 39–59.
9. Crang M., Crosbie T., & Graham S. Technology, time — space, and the remediation of neighbourhood life // *Environment and Planning A*, 2007. № 39 (10). — Pp. 2405–2422.
10. Hampton K. N., Wellman B. Netville online and offline: observing and surveying a wired suburb // *American Behavioral Scientist*. 1999. № 43. — Pp. 475–492.
11. Leighton B., Wellman B. Networks, Neighborhoods and Communities. Approaches to the Study of the Community Question // *Urban Affairs Quarterly*, 1979, 14 (3). — Pp. 363–390.
12. Li L., Li S. Becoming homeowners: The emergence and use of online neighborhood forums in transitional urban China // *Habitat International*. 2013. Vol. 38. — Pp. 232–239.
13. Massey D.B. *Space, place, and gender*. — Minneapolis: University of Minnesota Press. 1994. — 280 p.
14. Oldenburg R. Our vanishing “Third places” // *Planning commissioners journal*. 1996-1997. № 25 — Pp. 6–10.
15. Soukup C. Computer-mediated communication as a virtual third place: building Oldenburg's great good places on the world wide web // *New Media Society*. 2006. Vol.8: — Pp. 421–440.
16. Van Dijk J. *The Network Society*. 2-nd ed. London: Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publishing, 2006. — 292 p.
17. Voskresenskiy V., Sukharev K., Musabirov I., Alexandrov D. Online Communication in Apartment Buildings // *Lecture Notes in Computer Science*. 2015. Vol. 8852. — Pp. 52–55.
18. Walker D.M. *Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums*. Ph.D., University of Michigan, 2011. — 308 p.
19. Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. — N. Y.: Cambridge University Press. 1998. — 318 p.

References

1. Boltanski L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* / Per. s fr. O. V. Kovenevoi, pod red. N. E. Kuposova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. — 576 s.
2. Gladarev B. S. Gradozashchitnye dvizheniia Peterburga nakanune «zimnei revoliutsii» 2011-2012 g.: analiz iz perspektivy frantsuzskoi pragmaticheskoi sotsiologii // *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2012. № 4 (110). — S. 29–43.
3. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2011.
4. Zaporozhets O. N., Lapina-Kratasiuk E. G. Antropologiya tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2015. №4. — S. 41–54.
5. Puzanov K. A., Stepantsov P. M. *Mekhanika Moskvy. Issledovanie gorodskoi sredy*. — M.: Izdanie Moskovskogo instituta sotsial'no-kul'turnykh programm, 2014. — 68 s.
6. Tykanova E., Khokhlova A. Traektorii samoorganizatsii lokal'nykh soobshchestv v situatsiiakh osparivaniia gorodskogo prostranstva // *Sotsiologiya vlasti*. 2014. № 2. — S. 104–122
7. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis, 1996. — 248 p.
8. Boyd D. Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dynamics, and Implications // Papacharissi, Zizi (ed.): *A Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Networking Sites*. Routledge. 2010. — Pp. 39–59.
9. Crang M., Crosbie T., & Graham S. Technology, time — space, and the remediation of neighbourhood life // *Environment and Planning A*, 2007. № 39 (10). — Pp. 2405–2422.
10. Hampton K. N., Wellman B. Netville online and offline: observing and surveying a wired suburb // *American Behavioral Scientist*. 1999. № 43. — Pp. 475–492.
11. Leighton B., Wellman B. Networks, Neighborhoods and Communities. Approaches to the Study of the Community Question // *Urban Affairs Quarterly*, 1979, 14 (3). — Pp. 363–390.
12. Li L., Li S. Becoming homeowners: The emergence and use of online neighborhood forums in transitional urban China // *Habitat International*. 2013. Vol. 38. — Pp. 232–239.

13. Massey D. B. Space, place, and gender. — Minneapolis: University of Minnesota Press. 1994. — 280 p.
14. Oldenburg R. Our vanishing “Third places” // Planning commissioners journal. 1996-1997. № 25 — Pp. 6–10.
15. Soukup C. Computer-mediated communication as a virtual third place: building Oldenburg's great good places on the world wide web // New Media Society. 2006. Vol.8: — Pp. 421–440.
16. van Dijk J. The Network Society. 2-nd ed. London: Thouthand Oaks, New Delhi: Sage Publishing, 2006. — 292 p.
17. Voskresenskiy V., Sukharev K., Musabirov I., Alexandrov D. Online Communication in Apartment Buildings // Lecture Notes in Computer Science. 2015. Vol. 8852. — Pp. 52–55.
18. Walker D.M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D., University of Michigan, 2011. — 308 p.
19. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. — N. Y.: Cambridge University Press. 1998. — 318 p.